

Къ исторіи Сибири.

Проф. П. Н. Буцинскаго.

Сургутъ и Сургутскій уѣздъ (1594 г.—1645 г.).

Историческій матеріалъ приводитъ насъ къ убѣжденію, что русское владычество въ Сибири прежде всего „опнулось“, по выраженію Словцова, на правомъ берегу р. Оби, при впаденіи въ нее Иртыша, въ Обскомъ городкѣ, построенномъ Мансуровымъ еще въ 1585¹⁾. Остяки, жившіе здѣсь, назвали его Руть-Вать, т. е. русскій городъ, такъ какъ этотъ городокъ былъ первымъ въ Сибири, основаннымъ русскими завоевателями. Миллеръ несправедливо говоритъ, что Обскій городокъ существовалъ только одну зиму и будто-бы оный навсегда былъ покинутъ русскими послѣ оставленія его Мансуровымъ весною 1586 г.²⁾. Нѣтъ, этотъ городокъ существовалъ цѣлыхъ девять лѣтъ и разрушенъ только въ 1594 г. Но въ немъ не было постояннаго населенія, а жили „годовальщики“, присылаемые изъ Тобольска для удержанія въ повиновеніи обскихъ остяковъ и сбора съ нихъ ясака. Эти годовальщики, двигаясь далѣе и далѣе вверхъ Оби за сборомъ ясака, скоро столкнулись съ Пѣгой (пестрой) Ордою или нарымскими остяками, находившимися въ то время подъ властью своего князя Вони, и захватили въ

¹⁾ См. мое изслѣд. „Заселеніе Сибири...“ стр. 82.

Въ Историческомъ атласѣ пр. Замысловскаго (изд. 1887 г.) на картѣ № 9, мы видимъ городъ „Обскій Большой“ на правомъ берегу Иртыша, не далеко отъ впаденія этой рѣки въ Обь. Но такого города никогда не существовало. Если онъ подъ Обскимъ большимъ разумѣетъ городокъ, построенный Мансуровымъ, то а) этотъ послѣдній находился на правомъ берегу Оби, а б) никогда не назывался большимъ и, вѣроятно, былъ самымъ малымъ изъ всѣхъ сибирскихъ городковъ. Въ книгѣ „Бол. Черт.“ на стр. 213 есть названіе Обскій большой, но это названіе относится не къ городу, а къ Обскому большому поресъму или протоку; во время составленія Больш. Чертежа, Обскаго городка, основаннаго Мансуровымъ, уже не существовало.

²⁾ „Опис. Сиб. Царства“ стр. 157—158.

плѣнъ сына послѣдняго Урунка. Когда объ этомъ узнало русское правительство, то рѣшилось воспользоваться этимъ плѣнникомъ для подчиненія своей власти князя Воня съ его народомъ. Но изъ Обскаго города вслѣдствіе отдаленности его отъ Пѣгой Орды, довольно трудно было управиться съ княземъ Воней, имѣвшимъ до 400 человекъ войска; поэтому Ѳедоръ Ивановичъ велѣлъ уничтожить этотъ городокъ, а на его мѣсто построить новый, поближе къ Пѣгой Ордѣ. Исполнителями этой задачи, т. е. основанія новаго города и покоренія Пѣгой Орды, были назначены князь Ѳедоръ Борятинскій и Владиміръ Анничковъ. Царскій наказъ отъ 19 февр. 1594 г., данный этимъ лицамъ, гласилъ слѣдующее: „По указу государя Ѳедора Ивановича велѣно имъ быть на службѣ въ Сибири вверхъ по Оби рѣки ставить городъ въ Сургутъ или въ Базіонской волости, въ Луменукѣ (Луниукѣ) въ которомъ мѣстѣ удобнѣе“. Еще зимою эти лица должны были прибыть въ Лозву, а оттуда, какъ вскрыется ледь, на судахъ плыть въ Обскій городъ чрезъ Пелымъ и Тобольскъ, взявъ въ этихъ городахъ служилыхъ людей по росписи, каковыя посланы нелымскому и тобольскому воеводамъ. Туда же, т. е. въ Обскій городокъ, еще велѣно прислать служилыхъ людей березовскому воеводѣ и остяцкому князю Игичею своихъ людей. А дождавшись въ Обскомъ городѣ упомянутыхъ войскъ, которымъ тамъ велѣно быть къ Петрову дню, князю Борятинскому и Анничкову предписывалось разломать и сжечь этотъ городъ, чтобы впредь ему не быть и затѣмъ идти въ назначенное мѣсто для постройки новаго города. „А пришедъ князю Ѳедору и Владиміру въ Сургутъ, въ которомъ мѣстѣ пригоже высмотря мѣсто крѣпкое поставить городъ всѣми ратными людьми и тамошними остяками. Да то мѣсто написать въ росписи и на чертежѣ начертить и всякія крѣпости выписать, гдѣ станетъ городъ. Да отписать къ государю подлинно, какъ пойдутъ изъ Тобольска внизъ Иртышемъ и вверхъ по Оби и сколько будетъ ходу судамъ, чтобы государю все было вѣдано“ ¹⁾. Изъ этого наказа видно, что городъ Сургутъ несомнѣнно построенъ лѣтомъ 1594 г. и Миллеръ несправедливо относитъ его основаніе къ 1593 г., а еще менѣе вѣрно указываетъ дату основанія Сургута Андріевичъ, голословно утверждая, что этотъ городъ заложенъ въ 1592 г., равнымъ образомъ и догадка Миллера, что Сургутъ построенъ воеводами Волконскимъ и Львовымъ, оканчивается совершенно невѣрною ²⁾.

¹⁾ Сиб. Пр. кн. № 1 л. 24, см. Наказъ Ѳедору Борятинскому и Владиміру Анничкову.

²⁾ Опис. Сиб. У. Миллера стр. 182, 195; Исторія Сибири Андріевича стр. 22.

Городъ былъ построенъ на правомъ берегу рѣки Оби при впадѣніи въ нее рѣчки Сургутки ¹⁾, т. е. почти посреди той части Оби, которая находилась между Обскимъ городомъ и Нарымомъ или Пѣгюю Орду. Какъ и всѣ сибирскіе города, Сургутъ представлялъ небольшую крѣпость съ двумя воротами, 4 башнями глухими и одной башней проѣзжей; въ ней былъ поставленъ воеводскій дворъ, тюрьма, зеленый (пороховой) погребъ и церковь, острогъ съ двумя воротами и одной проѣзжей башней; тутъ же находились и хаты для служилыхъ людей. Всѣ эти постройки воздвигнуты были въ одно лѣто 1594 г. Такой быстротѣ основаній сибирскихъ городовъ нечего удивляться: наказъ всегда предписывалъ воеводамъ строить городъ „наспѣхъ“, возить лѣсъ легкій и въ постройки д. б. принимать участіе не только всѣ служилые люди, но и ближайшіе инородцы. Поэтому часто случалось, что чрезъ какихъ нибудь пять лѣтъ послѣ основанія города послѣдній уже нуждался въ большомъ ремонтѣ, а лѣтъ чрезъ 15—20 воеводы доносили, что городъ совершенно ветхій и разваливается. Первоначальное населеніе Сургута состояло изъ 155 служилыхъ людей, прибывшихъ вмѣстѣ съ первыми воеводами, изъ которыхъ значительное большинство было семейныхъ, а затѣмъ изъ ружниковъ и оброчниковъ; къ послѣднимъ принадлежали: духовенство, подьячіе, толмачи, сторожа и палачъ. Но уже черезъ два года число служилыхъ людей значительно увеличилось. Подчинить русской власти Пѣгюю Орду оказалось не такъ легко, какъ предполагало правительство: князь Воя не поддавался увѣщаніямъ сургутскихъ воеводъ, не хотѣлъ добровольно платить ясакъ. Нужно было употребить силу, но прежнихъ служилыхъ людей оказалось недостаточно, чтобы смирить упомянутого князя. Поэтому правительство въ 1596 г. прислало въ Сургутъ еще 112 человекъ ²⁾, а въ 1601 г. сургутскихъ служилыхъ людей—казаковъ, стрѣльцовъ, литвы и черкасъ было 280 человекъ. Но не всѣ они постоянно жили въ Сургутѣ: съ построеніемъ остроговъ Нарымскаго и Кетскаго сургутскіе служилые люди посылались въ эти остроги въ качествѣ „годовальщиковъ“ человекъ по 20 въ каждый острогъ ³⁾.

¹⁾ Миллеръ думаетъ, что городъ получилъ названіе отъ рѣчки Сургутки, но это невѣрно. Цѣлая область, гдѣ построенъ русскій городъ, называлась Сургутъ, подобно тому какъ выше была область Нарымъ и самая упомянутая рѣчка стала называться Сургуткою только послѣ основанія Сургута. Воеводамъ наказъ предписывалъ идти „въ Сургутъ“, построить городъ „въ Сургутѣ“.

²⁾ Р. И. Биб. т. II № 60.

³⁾ Сиб. Прик. кн. 1, л. 111.

Въ 1601 г. въ Сургутѣ построенъ гостинный дворъ, а вмѣстѣ съ этимъ появились въ немъ и цѣловальники изъ посадскихъ людей для сбора таможенныхъ пошлинъ ¹⁾. По старѣйшему, дошедшему до насъ, именному списку города Сургута, населеніе послѣдняго въ 1625 г. было такое, несчитая женъ и дѣтей:

- 2 атамана казачьихъ,
- 2 поляка,
- 1 казакъ,
- 25 десятниковъ,
- 177 рядовыхъ служилыхъ людей,
- 2 подьячихъ,
- 1 черный попъ,
- 1 бѣлый попъ,
- 3 пушкаря,
- 1 толмачъ остяцкій,
- 1 церковный дьячекъ,
- 1 пономарь,
- 1 городской воротникъ,
- 1 острожный воротникъ,
- 1 палачъ,
- 1 новокрещенный остякъ,
- 1 просвирница.

Всего служилыхъ людей, ружниковъ и оброчниковъ было 222 человекъ; годового денежнаго жалованья они получали 1175 р. 48 к., хлѣбнаго жалованья 1372 ч. муки и на крупы и толокно—381 р. ²⁾.

Затѣмъ, во весь обозрѣваемый нами періодъ, т. е. до 1645 г., населеніе Сургута не только не увеличивалось, но и постепенно уменьшалось: такъ, въ 1627 г. всѣхъ служилыхъ людей, ружниковъ и оброчниковъ въ именномъ спискѣ значится 216 человекъ ³⁾ въ 1635 г.—200 чел. ⁴⁾, въ 1642 г.—199 ⁵⁾, тоже число и въ 1645 г. ⁶⁾.

Что же касается денежныхъ доходовъ города Сургута, то они были ничтожны и никогда не покрывали расходовъ. Такъ, въ 1625 г. всего

---

¹⁾ Сиб. Пр. кн. 1, л. 105.

²⁾ Сиб. Пр. кн. № 458, л. 53.

³⁾ Сиб. Пр. кн. № 14, л. 365.

⁴⁾ Сиб. Пр. кн. № 78, л. 1267.

⁵⁾ Сиб. Пр. кн. № 30, л. 394.

⁶⁾ Сиб. Пр. кн. № 203, л. 307.

денежныхъ доходовъ было около 600 руб., а разныхъ денежныхъ расходовъ было 1304 р. 48 к. ¹⁾

Статьи денежныхъ доходовъ по смѣтной книгѣ 1635 г. были слѣдующія:

Лавочныхъ пошлинъ	186 р.
Банныхъ денегъ	49 р. 6 к.
Судовыхъ (за продажу судовъ)	7 р.
Съ рыбныхъ ловель, откупу	1 р. 8 к.
Судныхъ пошлинъ	14 р. 6 к.
Явочныхъ	3 р. 72 к.
Разныхъ пошлинъ	236 р. 72 к.
Мелкихъ доходовъ	2 р. 11 к.
Оброчныхъ	1 р. 48 к. ²⁾

Изъ этой смѣтной книги видно, что главную статью денежнаго дохода г. Сургута составляли пошлины съ торговыхъ и промышленныхъ людей; тоже, впрочемъ, мы наблюдаемъ и во всѣхъ сибирскихъ городахъ того времени. Но въ первые годы существованія Сургута этихъ пошлинъ не было: для привлеченія сюда торговыхъ и промышленныхъ людей, правительство имъ объявило, что они въ новомъ городѣ будутъ пользоваться правами беспошлинной торговли. Это распоряженіе, дѣйствительно, привлекло въ сургутскую область массу торговыхъ и промышленныхъ людей. Край оживился, по инородческимъ волостямъ появились вымичи, зыряне, пустозерцы, пермичи, устюжане, двиняне, важане, коргопольцы, москвичи и иныхъ русскихъ городовъ торговый людъ, кто для промысловъ, кто для мѣновой торговли съ мѣстнымъ населеніемъ. Правительство скоро увидѣло, что данная льгота—какъ средство привлеченія въ сургутскую область кузцовъ и промышленниковъ, болѣе не нужна и уже въ 1597 году приказало сургутскимъ воеводамъ, уничтожить эту льготу и собирать всякую пошлину, какъ и въ другихъ сибирскихъ городахъ ³⁾. Торговые и промышленные люди не могли оставить этого распоряженія безъ протеста и въ томъ же 1597 г. подали черезъ сургутскаго воеводу Лобанова-Ростовскаго челобитную царю, въ которой просили сохранить за ними прежнюю льготу: „мы люди бѣдные, писали они въ своей челобитной, платимъ всякія подати въ Перми, нанимаемъ до Лозвы подводы подъ служилыхъ людей и подъ государевы запасы, привозимъ сургутскимъ служилымъ людямъ масло,

¹⁾ Сиб. Пр. кн. № 8, л. 87.

²⁾ Сиб. Пр. кн. № 72, л. 1256.

³⁾ Сиб. Пр. кн. № 1, лл. 46 и 47.

сало говяжье, мясо и сукна“... Но ссылка челобитчиковъ на ту пользу, которую они приносятъ сургутскимъ служилымъ людямъ, доставляя имъ изъ Руси разные необходимые товары, оказалась совсѣмъ не къ дѣлу: сами служилые люди жаловались царю, что торговые и промышленные люди, являясь въ Сургутъ для торговли и промысловъ безъ хлѣбныхъ запасовъ, выкупаютъ у нихъ хлѣбъ и заставляютъ голодать. Челобитная торговыхъ и промышленныхъ оставлена безъ послѣдствій, „то ты сдѣлалъ не гораздо, писали изъ Москвы сургутскому воеводѣ, что принять у нихъ челобитную“... Затѣмъ по жалобѣ сургутскихъ воеводъ, что торговые и промышленные люди выкупаютъ у инородческаго населенія сургутскаго уѣзда дорогихъ соболей и лисицъ и что послѣдніе вслѣдствіе этого платятъ ясакъ въ государеву казну плохую рухлядью, московское правительство во-первыхъ запретило торговлю по инородческимъ юртамъ, а во-вторыхъ указало, чтобы торговые люди вымѣнивали у инородцевъ только низшаго качества пушной товаръ, который въ царскую казну не годится, „а если кто изъ торговыхъ людей, послѣ этого, будетъ покушать и торговать лучшею и среднею рухлядью, то битъ кнутомъ, сажать въ тюрьму недѣль на пять и на шесть, а имущество отбирать на государя“ ¹⁾. Эти мѣры въ значительной степени ослабили приливъ въ сургутскую область торговыхъ людей, такъ какъ вымѣнивать товаръ низшаго качества для нихъ не представляло особенной выгоды. Велѣно также объявить и инородцамъ, чтобы они лучшую и среднюю рухлядь приносили въ городъ, гдѣ будутъ покупать этотъ товаръ на государя, а чтобы русскимъ людямъ они продавали бы только худую рухлядь.

Изъ этого видно, что царь, какъ первый купецъ пушнымъ товарамъ, хотѣлъ быть внѣ конкуренціи съ своими подданными! Однако эти мѣры не вполне достигали цѣли: а) инородцы съ большою охотою вступали въ торговые сношенія съ торговыми людьми, чѣмъ съ представителями царской торговли, и б) русскіе люди все-таки изыскивали способы обходить таможи и вывозить на Русь самую лучшую мягкую рухлядь. По крайней мѣрѣ сибирскіе воеводы постоянно жалуются, что инородцы платятъ ясакъ плохую рухлядью и что въ ясакѣ бываетъ ежегодный недоборъ... Мы, впрочемъ, далеки отъ того, чтобы упомянутыя мѣры ставить въ вину московскимъ царямъ; онѣ вызывались не алчностью и наживой, а необходимостью. Царская казна не вынесла бы тѣхъ громадныхъ расходовъ, которые она затрачивала на содержаніе

¹⁾ Сиб. Пр. кн. 1, лл. 51, 57, 251 и др.

служилыхъ людей, ружниковъ и оброчниковъ въ сибирскихъ городахъ, если бы не имѣла права на монополію торговли пушнымъ товаромъ.

Возьмемъ хотя для примѣра Сургутъ: на его содержаніе—на денежное и хлѣбное жалованье и разные неокладные расходы—нужно было въ годъ минимумъ 2½ т. рублей, между тѣмъ, какъ денежныхъ доходовъ въ этомъ городѣ собиралось въ царскую казну всего рублей 600. При такомъ ежегодномъ дефицитѣ царская казна обанкротилась бы довольно скоро. Но ясакъ, собираемый съ инородцевъ Сургутскаго уѣзда, не только покрывалъ всѣ казенные расходы, но иногда давалъ излишекъ въ нѣсколько сотъ рублей.

Сургутскій уѣздъ населенъ былъ исключительно остяками, и если въ царскихъ грамотахъ предписывается сургутскимъ воеводамъ собирать ясакъ и „съ татаръ“, то это зависѣло а) отъ того, что грамоты къ сибирскимъ воеводамъ писались по одному шаблону, а б) въ одной подгородной волости жили остяки, принявшіе магометанство, а таковыхъ инородцевъ русскіе всегда называли татарами; на самомъ же дѣлѣ татаръ въ этомъ уѣздѣ нигдѣ не было.

Остяки подъ управленіемъ своихъ князей жили по волостямъ, разбросаннымъ на громадномъ пространствѣ всего Сургутскаго уѣзда. Въ наказахъ сургутскимъ воеводамъ говорится, что къ ихъ вѣдомству принадлежатъ всѣ остяцкіе „городки и волости, которые пошли отъ Сургута внизъ по Оби къ устьямъ Иртыша и которые пошли отъ Сургута вверхъ по Оби къ Пѣгой Ордѣ и выше“... Въ концѣ 16 вѣка такихъ волостей въ Сургутскомъ уѣздѣ было десять: Селіаровская при р. Ляминѣ, Базіоновская или Темлечеева на Оби, Салымская при р. Салымѣ, Юганская (Югорская тожъ) большая и меньшая по р. Югану, Бардакова по р. Бардаковѣ, Лунпокольская на Оби, Ларьятская по нижнему теченію р. Ваха, Вахская по верхнему теченію р. Ваха и Васьюганская по р. Васьюгану. На основаніи нѣкоторыхъ данныхъ, мы можемъ приблизительно опредѣлить и число ясачныхъ людей въ этихъ волостяхъ, именно ихъ было около 600 чел. Но скоро Сургутскій уѣздъ значительно увеличился.

Мы выше упомянули, что цѣль постройки Сургута главнымъ образомъ состояла въ томъ, чтобы подчинить московской власти Пѣгую Орду или нарымскихъ остяковъ. Въ наказѣ строителямъ этого города предписывалось: „Вонина сына Урунка взять съ собой въ новый городъ, и къ отцу его приказать, чтобы онъ былъ въ новый городъ въ Сургутъ и ясакъ съ себя и съ своей братіи Пѣгой Орды собралъ и привезъ къ вамъ. А государь его пожаловалъ, велѣлъ отдать ему его сына и велѣлъ держать его подъ своей высокою рукой. Буде самъ Воня

въ новый городъ не будетъ, а пришлетъ ясакъ съ племянникомъ или съ лучшими людьми и имъ ясакъ взять и сына Вонина отпустить къ отцу. Если же Воня ясакъ не пришлетъ и имъ, собравъ людей, Пѣгую Орду воевать, чтобы Воню извовать, ясакъ взять и привести подь государеву руку“...

Къ исполненію наказа воеводы должны были приступить немедленно послѣ основанія города. Но первые воеводы не могли сломить упорство князя Воня; чтобы выручить изъ плѣна своего сына, онъ прислалъ ясакъ въ томъ же 1594 г. и тѣмъ дѣло кончилось. Въ слѣдующемъ году первыхъ воеводъ смѣнили—на ихъ мѣсто назначены воеводой Осипъ Ѳ. Плещеевъ и головой Иванъ И. Калеминъ ¹⁾.

Но когда эти послѣдніе послали за ясакомъ къ князю Воня, то онъ ясачниковъ въ Пѣгую Орду не пустилъ и ясаку не далъ ²⁾.

Этого мало: Воня самъ рѣшился перейти въ наступленіе, началъ собирать войско, чтобы уничтожить городъ Сургутъ.

Новому русскому городу на Оби грозила серьезная опасность: Воня, какъ видно, былъ человѣкомъ энергичнымъ и, по словамъ сургутскаго воеводы, могъ выставить въ поле до 400 человѣкъ войска. Кромѣ того, изъ Сургута писали въ Москву: „сказывалъ князь Бардакъ, что царь Кучумъ подкочевалъ къ Пѣгой Ордѣ, ссылается съ княземъ Воней, и что они постановили межъ собой договоръ, чтобъ весною со всѣми своими людьми идти противъ Сургута“... Сообщая эти грозныя вѣсти, сургутскій воевода еще писалъ, что мирными средствами нельзя достигнуть, чтобы Воня платилъ ясакъ, а необходимо предпринять противъ него военный походъ и поставить въ его землѣ на время острогъ, пока воинскіе люди приведутъ къ покорности Пѣгую Орду и возьмутъ изъ лучшихъ людей заложниковъ (аманатовъ) изъ всѣхъ волостей. Получивъ эти извѣстія, московское правительство отнеслось къ нимъ очень серьезно; это видно изъ того, что оно немедленно рѣшилось снарядить обширную экспедицію противъ князя Пѣгой Орды. Велѣно тобольскому воеводѣ, выбравъ 50 лучшихъ служилыхъ людей, до 100 человѣкъ татаръ послать съ атаманами и боярскими дѣтьми въ Сургутъ, велѣно березовскому воеводѣ послать туда же 50 человѣкъ съ пятью полковыми пищалами, да еще извѣстный князь Игичей Алачевъ долженъ былъ выбрать изъ своихъ людей 100 человѣкъ и самъ съ своей братіей идти въ походъ противъ князя Воня. Всѣ эти войска, 300 че-

¹⁾ Сиб. Пр. кн. № 1, лл. 1—6.

²⁾ Ibid. л. 8.

ловѣкъ, должны были собраться въ Сургутѣ весною 1597 г. и поступить подъ начальство сургутскаго головы Ивана Калемина; къ нимъ велѣно еще прибавить сургутскихъ служилыхъ людей 100 человекъ и 150 остяковъ изъ тѣхъ волостей, отъ которыхъ нельзя ожидать измѣны. Такимъ образомъ въ походѣ противъ Воня должны были принять участіе всего 550 человекъ; такой многочисленной экспедиціи московское правительство не посылало даже противъ самого Кучума. Наказъ предписывалъ Калемину, посадивъ войска на суда, плыть вверхъ Оби въ Пѣгую Орду бережно такъ, чтобы князь Воня не провѣдалъ о походѣ, а пришелъ туда сначала поставить острогъ, а потомъ дѣйствовать противъ Пѣгой Орды „сколько Богъ помощи подастъ, и смотря по тамошнему дѣлу и по вѣстямъ“, чтобы непременно привести ее подъ царскую руку ¹⁾. Неизвѣстно почему, но походъ противъ Воня въ 1597 г. не состоялся. Очень можетъ быть, что его остановилъ бывший въ это время бунтъ всей югорской земли; такъ какъ надъ усмирениемъ послѣдней трудился березовскій воевода съ своими служилыми людьми и съ людьми князя Игичея, то онъ не могъ исполнить повелѣніе Ѳедора Ивановича—послать въ Сургутъ помощь, а безъ ней вѣроятно не рѣшались начать войну съ Воней и походъ противъ него былъ отложенъ. Несомнѣнно только, что походъ въ Пѣгую Орду былъ совершенъ въ 1598 г. и съ тѣми же силами хотя и подъ начальствомъ другихъ лицъ. На успѣхъ и послѣдствія этого похода мы имѣемъ только косвенныя указанія. Именно, въ 1598 г. у сургутскихъ служилыхъ людей появилась масса плѣнныхъ и о нихъ-то сохранилась до насъ грамота царя къ сургутскому воеводѣ С. М. Лобанову-Ростовскому. Въ ней предписывалось, чтобъ воевода отобралъ у служилыхъ людей всѣхъ плѣнниковъ и которые не крещены отослалъ на родину, а съ тѣми, которыхъ служилые люди успѣли окрестить, поступить такъ: мужчинъ поверстать въ службу, женокъ и дѣвокъ выдавать замужъ за служилыхъ людей, которые захотятъ жениться; малыхъ ребятъ крещеныхъ поверстать въ службу, когда подростутъ, а малыхъ дѣвокъ, когда подрастутъ, выдать замужъ за крещеныхъ людей, но чтобъ никто не смѣлъ плѣнныхъ вывозить на Русь подѣ страхомъ смертной казни ²⁾. Очевидно, что эти плѣнные были результатомъ похода въ Пѣгую Орду. Еще въ 1597 году царь Ѳедоръ Ивановичъ, посылая въ Сургутъ воеводу Лобанова-Ростовскаго и голову Ржевскаго, наказывалъ имъ непре-

¹⁾ Сиб. Пр. кн. № 1 л. 8 и др.

²⁾ Сиб. Пр. кн. 1 л. 53.

мѣнно предпринять походъ съ тобольскими и березовскими служилыми людьми въ Пѣгую Орду, на князя Воню, но этотъ наказъ могъ быть исполненъ только въ 1598 г. Съ этого времени Пѣгая Орда подчинилась московской власти и въ ея землѣ, построены въ томъ же 1598 г. русскій острогъ Нарымъ. О князѣ Воня болѣе не упоминается въ документахъ, стало быть ему нанесенъ рѣшительный ударъ въ томъ же самомъ году, какъ и его знаменитому союзнику царю Кучуму. Последній не могъ исполнить своего обѣщанія помочь Воня противъ Сургутя и вѣроятно потому, что ему самому въ это время не давали покоя энергичныя предпріятія тарскихъ воеводъ ¹⁾.

Со временемъ покоренія Пѣгой Орды, къ Сургутскому уѣзду присоединены новыя волости: Аслымская, Сымская, Корахонская по Оби и Тымская по р. Тыму. Затѣмъ и Муалымскаго городка остяки Ермачко съ товарищами били челомъ государю, что прежде они платили ясакъ въ Березовъ, а теперь желаютъ платить въ болѣе близкій городъ Сургутъ. И царь пожаловалъ ²⁾; эти остяки, жившіе на Оби при устьѣ Иртыша, въ такъ называемомъ Бѣлогорьѣ, составили новую волость въ Сургутскомъ уѣздѣ Бѣлогорскую. Въ 1602 г. воевода Борятинскій хотѣлъ было присоединить еще къ Сургутскому уѣзду Кунную самоядъ, жившую по рѣкѣ Нуру и съ этою цѣлью отправилъ Члужилыхъ людей подъ начальствомъ атамана Богдана Чубакина (изъ черкасовъ) къ самоѣдскимъ князьямъ — Акубѣ, Скамгѣ, Салымѣ съ жалованнымъ царскимъ словомъ и съ предложеніемъ платить ясакъ въ Сургутъ, но самоѣды отказали, потому что уже платили ясакъ въ Тазовскій городъ (въ Мангазею) ³⁾. Относительно числа ясачныхъ людей во всѣхъ волостяхъ Сургутскаго уѣзда мы можемъ сообщить данныя только съ 1625 года. Волости: 1) Бѣлогорская, въ ней лучшей человѣкъ Ертикъ Шайтанцикъ и ясачныхъ людей 11. 2) Силіярская, а въ ней лучшей человѣкъ Никомъ Атыревъ и ясачныхъ людей 37. 3) Темличеева, а въ ней князецъ Бозьянъ и ясачныхъ людей 60. 4) Саламская, а въ ней князецъ Автомахъ Ясакинъ и ясачныхъ людей 79. 5) Юганскія, а въ нихъ князецъ Ангачъ Миликомъ и ясачныхъ людей 128. 6) Бордакова, ясачныхъ людей 87. 7) Лунпокольскіе, а въ нихъ князцы Рубашка и Салтыкъ, ясачныхъ людей 176. 8) Ларьяцкая, а въ ней князецъ Коштей и ясачныхъ людей 33. 9) Ва-

¹⁾ См. наше изслѣд. „Заселеніе Сибири...“ стр. 145—147.

²⁾ А. М. И. Ю. Портф. Миллера № 477, 11, 5.

³⁾ Сиб. Пр. кн. № 1 л. 119.

ховская 1), ясачныхъ людей 6. 10) Васьюганская, а въ ней князецъ Юрлымко и ясачныхъ людей 81. 11) Аслымская, ясачныхъ людей 4. 12) Караханская, ясачныхъ людей 20. 13) Сымская, ясачныхъ людей 15. 14) Тымская, а въ ней князецъ Маръ и ясачныхъ людей 59.

Всего ясачныхъ людей старыхъ и новиковъ—въ Сургутскомъ уѣздѣ въ 1625 г. было 796 человекъ, а съ нихъ ясаку и поминковъ государскихъ и воеводскихъ собрано всякимъ звѣремъ до 160 сороковъ соболей по сибирской оцѣнкѣ болѣе, чѣмъ на 3 тысячи рубл. 2).

Въ 1632 году ясачныхъ людей было 699 чел. 3).

„ 1645 „ „ „ „ 786 „ 4).

Да въ томъ же году отнята Ваховская волость у Димитрія Алачеева (внука Игичея), въ которой ясачныхъ людей было 95, такъ что всѣхъ ясачныхъ людей (исключая женщинъ, дѣтей, холоповъ старыхъ и увѣчныхъ) въ Сургутскомъ уѣздѣ въ 1645 г. было 981 человекъ 5).

Сургутскимъ воеводамъ никогда не удавалось взять полный ясакъ съ инородцевъ Сургутскаго уѣзда; ежегодно былъ недоборъ и иногда очень значительный, простиравшійся до нѣсколькихъ десятковъ сороковъ соболей. А между тѣмъ ясачный окладъ былъ не великъ: сначала они платили по 11 соболей съ человекъ, но съ 1610 г. вслѣдствіе жалобъ инородцевъ на тяжесть такого оклада, царь велѣлъ брать съ нихъ только по 9 соболей 6). Не смотря на это облегченіе, инородцы и послѣ того никогда не выплачивали полного оклада и всегда находили какія нибудь объясненія этому: одни (1625 г.) жаловались, что были больны осенью и на промыселъ не ходили, другіе — что собаки „промышленные“ повымерли, третьи—что „лѣшня не удалась“, мало звѣря было въ промышленныхъ мѣстахъ и т. п. 7). Но кажется самую настоящею причиною недобора ясака была лѣнность инородцевъ и нежеланіе ихъ выплачивать полный окладъ, зная снисходительность русскаго правительства, напр.: почти всѣ волости жаловались на недостатокъ звѣря въ 1625 г., а между тѣмъ русскіе промышленные люди

1) Въ Ваховской волости всего ясачныхъ людей было болѣе 100 человекъ, но въ ней ясакъ въ государственную казну платило только 6 человекъ, а остальные были пожалованы въ вотчинное владѣніе Игичею.

2) Сиб. Пр. кн. № 1 лл. 262—291, ясачная кн. 1625; Сиб. Пр. См. № 4 л. 82, а также см. описки воеводы о томъ же лл. 255—257.

3) Сиб. Пр. кн. № 34 л. 130.

4) Сиб. Пр. кн. № 177 л. 178.

5) Сиб. Пр. кн. № 221.

6) Сиб. Пр. кн. 1 л. 159.

7) Сиб. Пр. кн. лл. 262 и др.

въ томъ же году и въ тѣхъ же мѣстахъ добыли почти по 120 соболей на человѣка. Если возможна подобная добыча, то окладъ въ 9 соболей можно считать сравнительно малымъ, потому, что инородцы были болѣе искусны въ ловлѣ звѣрей, чѣмъ русскіе промышленники. При томъ ясакъ не обязательно было уплачивать соболями, а всякими пушными звѣрями, лишь бы цѣнность его равнялась девяти соболямъ; брали въ ясакъ—бобровъ, горностаевъ, лисиць, разсомахъ, бѣлокъ и пр. Воеводы даютъ болѣе правдивое объясненіе, почему инородцы никогда не выплачиваютъ полнаго ясачнаго оклада. „Посылали мы, государь, пишутъ они, служилыхъ людей по остяцкимъ волостямъ высылать остяковъ на звѣровые промыслы для твоего государева ясака и поминковъ, но ходили немногіе люди... да и тѣ, которые ходили, полнаго оклада не заплатили, потому, что лучшихъ звѣрей тайно продали торговымъ и всякимъ людямъ..., а наказанье имъ чинить не смѣемъ, потому что, государь, въ указѣ написано: къ ясачнымъ людямъ держать ласку, и привѣтъ и береженье и твой государевъ ясакъ собирать ласково, а не жесточью и не правезомъ...“¹⁾ Впрочемъ не всѣ воеводы относились къ инородцамъ такъ снисходительно; недоборъ ясака съ послѣднихъ былъ укоромъ для службы воеводъ и часто вызывалъ замѣчанія со стороны правительства. Поэтому нѣкоторые воеводы, чтобы показать свою службу, мало обращали вниманія на государевъ наказъ „собирать ясакъ ласкою“, а сажали инородцевъ въ тюрьму и держали ихъ по нѣскольку недѣль на правезѣ въ случаѣ неуплаты ясака. Къ такимъ ретивымъ сборщикамъ принадлежалъ Я. П. Борятинскій, бывшій воеводой въ Сургутъ въ 1601 и въ 1602 гг. Онъ не церемонился съ остяками, а кнутомъ и тюрьмою заставлялъ ихъ выплачивать ясакъ. Инородцы верхнихъ волостей не вытерпѣли этихъ мѣръ (въ томъ числѣ и Пѣгая Орда): въ 1602 г. подняли бунтъ и измѣнили государю²⁾. Когда преемнику Борятинскаго сургутск. воев. Ѳ. Головину въ 1603 г. велѣно было произвести слѣдствіе о причинахъ бунта, то князья и лучшіе люди всѣхъ волостей единодушно показали Головину, что верхнія волости измѣнили потому, что Яковъ Борятинскій собиралъ съ нихъ ясакъ „не ласкою“, а „жесточью“. Получивъ объ этомъ дѣлѣ отписку

¹⁾ Сиб. Пр. кн. № 134 л. 420.

²⁾ Миллеръ (Опис. Сиб. Ц. стр. 250) несправедливо относитъ этотъ бунтъ къ 1598 г.; документъ, на который онъ ссылается, невѣрно указываетъ дату: слѣдуетъ читать не 106 (1598), а 110 (1602), потому что Яковъ Борятинскій былъ воеводой въ 1602 г., а въ 1598 г. Лобановъ-Ростовскій, а бунтъ несомнѣнно произошелъ при Борятинскомъ.

Головина, царь приказалъ ему: собрать въ Сургутъ князьковъ и лучшихъ людей всѣхъ волостей и объявить, что то дѣлалъ Борятинскій „воровствомъ“ и что впредь будутъ брать съ нихъ ясака столько, сколько можно имъ уплатить. Вообще московское правительство въ видахъ финансовыхъ, строго требуя отъ сибирскихъ воеводъ полного сбора ясака, и дѣлая имъ выговоры за недоборъ, въ тоже время изъ политическихъ видовъ относилось снисходительно къ самимъ плательщикамъ инородцамъ и даже дѣлало имъ поблажки. Не рѣдкость, что инородцы, не добывъ на промыслахъ мягкой рухляди, или просто распродавъ добычу торговымъ людямъ, чтобы уплатить ясакъ, занимали соболей у служилыхъ людей и въ закладъ отдавали женъ и дѣтей, но сейчасъ же били челомъ государю о своей бѣдности. И государь приказывалъ воеводамъ „полегчить въ ясакъ“, а на выкупъ женъ и дѣтей выдать деньги изъ казны. А какъ въ то время дешевы были люди, можно судить потому, что напримѣръ одному князю Киришѣ, чтобы занять 12 соболей, нужно было отдать въ закладъ жену и двухъ сыновей ¹⁾. Болѣе основательны жалобы сургутскихъ инородцевъ на ямскую службу: они обязаны были давать подводы служилымъ людямъ, и подъ хлѣбные запасы отъ устьевъ Иртыша и до Нарыма. Въ 1625 г. сургутскіе остяки подали челобитную, наполненную самыми горькими жалобами на ямскую гоньбу: „Даемъ мы, жаловались они, подводы подъ воеводъ и всякихъ служилыхъ людей, а подводы, государь, берутъ съ насъ предъ прежними годами, многіе: лѣтомъ на судахъ ходимъ, а зимою съ женами тянемъ на себѣ нарты, и отъ подводъ терпимъ нужду великую; недѣли по двѣ и по три держатъ насъ на судахъ и многія нарты возить не перемѣняясь, потому что мы живемъ въ разныхъ мѣстахъ, а притѣсненія намъ дѣлаютъ великія всякія проѣзжія люди: снимаютъ съ насъ платишко, бьютъ насъ и не даютъ корму...“. Тягость ямской службы, по словамъ челобитчиковъ, увеличивается еще отъ того, что эту повинность иногда приходится исполнять въ то время, когда удобнѣе всего можно запасть на зиму рыбою. .... „А лѣто, государь, пишутъ они, живетъ у насъ не много времени и кромѣ рыбныхъ запасовъ у насъ, сиротъ твоихъ, иныхъ никакихъ нѣтъ: мѣсто у насъ бѣдное, хлѣба не пашемъ и скота нѣтъ никакого“. И если не запасть рыбою, жалуются инородцы, то хоть помирай голодною смертью съ женами и дѣтьми. Затѣмъ въ челобитной приводятся случаи, что нѣкоторые бѣдные люди, не успѣвшіе изъ-за ямской гоньбы сдѣлать запасы рыбы на зиму, при-

¹⁾ Сиб. Пр. кн. № 1 л. 157.

нуждены были есть собачину и человѣчину, что одна женщина отъ голоду съѣла двухъ дѣтей своихъ и пр. Тяжесть ямской службы казалась инородцамъ столь великою, что они соглашались платить ясакъ вдвое и втрое болѣе противъ положеннаго оклада, если только государь освободитъ ихъ отъ этой повинности. Дѣйствительно лѣнливымъ людямъ, не привыкшимъ къ тяжелому физическому труду, ямская служба не могла быть легкою—возить на себѣ нарты или тащить бичевою суда вверхъ по Оби, хотя и при помощи собакъ—дѣло тяжелое. Царь Михаилъ Ѳедоровичъ, получивши эту челобитную, сдѣлалъ предписаніе сургутскимъ воеводамъ: собрать въ Сургутъ человѣка по 2 и по 3 изъ всѣхъ волостей и объявить имъ, что если остяки согласятся платить мягкою рухлядью за подводы, то государь освободитъ отъ ямской гоньбы и вмѣстѣ съ тѣмъ велѣно воеводѣ спросить, сколько инородцы намѣрены приплачивать за упомянутую льготу. Но оказалось на дѣлѣ, что челобитчики желали только льготы, и вовсе не были намѣрены что либо приплачивать. И если они писали, что за освобожденіе отъ ямской повинности будутъ выплачивать ясакъ вдвое и втрое, то это только фразы, написанныя съ цѣлью усилить тяжесть ямской гоньбы и разжалобить царя: Нѣсколько ранѣе этого времени, сургутскій воевода сдѣлалъ такой опытъ: по соглашенію съ инородцами Юганской волости онъ поручилъ за нихъ ямскую гоньбу отъ устья Иртыша до Сургута и обратно сургутскому служилому человѣку съ тѣмъ, чтобы юганцы заплатили соболями за эту льготу. За четыре мѣсяца такой службы (съ сентября по январь) служилый человѣкъ получилъ изъ казны 5 р. 25 коп.—какую сумму и должны были уплатить остяки Юганской волости. По расчету на каждаго человѣка приходилось только по четыре конейки, но тѣмъ не менѣе юганскіе ясачные люди и этой ясачной суммы не уплатили сполна ¹⁾. Вообще къ челобитнымъ инородцевъ, какъ къ историческому матеріалу, нужно относиться критически, не особенно довѣрять ихъ жалобамъ, а въ противномъ случаѣ можно сдѣлать совершенно ложные выводы относительно положенія инородцевъ подъ игомъ русской власти и отношенія къ нимъ русскихъ людей. Сургутскіе остяки на примѣръ жалуются, что служилые люди отнимаютъ у нихъ носильное платье, но въ тоже время, они въ своихъ челобитныхъ пишутъ, что большая часть изъ нихъ люди настолько бѣдные, что ходятъ только въ однихъ рыбныхъ кожаникахъ“, поэтому трудно предположить, чтобы служилый человѣкъ могъ польститься на подобное платье. Въ 1626 г. тѣ же ино-

¹⁾ Сиб. Пр. Ст. № 11 лл. 139—148; ст. № 8 лл. 23—34; кн. № 1 л. 159.

родцы жаловались Михайлу Оедоровичу, что воевода Безобразовъ въ 1625 г. вписалъ въ ясачные списки молодыхъ, старыхъ и увѣчныхъ людей 256 человекъ и заставилъ ихъ платить ясакъ наравнѣ съ прежними, но изъ ясачной книги того года мы видимъ, что прибрано новиковъ не 256, а только 46 и при томъ въ списки записывались только тѣ остяки, на которыхъ они сами указывали и не моложе 15 лѣтъ и не старше 50. Не слѣдуетъ также смотрѣть на сибирскихъ инородцевъ—остяковъ, вогуловъ и самоѣдовъ, какъ на робкихъ, невинныхъ дѣтей природы, которымъ русскіе дѣлаютъ только обиды, а сами они беззащитны. Правда, воеводы и служилые люди относились къ нимъ не всегда человѣчно, дѣлали прижимки при сборѣ ясака, а иногда позволяли себѣ даже грабежъ; такое отношеніе, дѣйствительно, тяжело отзывалось на благосостояніи инородцевъ и жалобы послѣднихъ на своихъ притѣснителей большею частію справедливы. Но инородцы въ тоже время жалуются и на торговыхъ и промышленныхъ людей, что они не только „звѣруютъ въ ихъ лѣсахъ“, но и грабятъ. Это послѣднее не вѣрно. Слѣдственные дѣла и показанія воеводъ не оправдываютъ подобныхъ жалобъ. Нужно замѣтить, что русскіе люди въ большинствѣ случаевъ ходили на промыслы человека по 2 и по 3 и стало быть ни въ какомъ случаѣ не могли быть нападающею стороною. Напротивъ, инородцы часто нападали на нихъ, отнимали добытую мягкую рухлядь и самихъ убивали. Это подтверждаютъ и жалобы промышленныхъ людей и донесенія воеводъ и слѣдственные дѣла. Въ 1617 году остяки Бардаковой волости дошли даже до такой дерзости, что подъ начальствомъ двухъ сыновей Бардака напали на русскаго воеводу Бабарыкина, плывшаго по р. Оби въ г. Томскъ, и нанесли ему жестокой погромъ. Первые вѣсти объ этомъ дѣлѣ были въ высшей степени тревожны: говорили, что сургутскіе остяки и нарымскій князь Дона со всѣми своими людьми подняли бунтъ, убили Бабарыкина и 60 человекъ русскихъ и уже идутъ для разгрома Сургута ¹⁾. Но на дѣлѣ оказалось, что это не бунтъ, а простой разбойническій набѣгъ бардаковыхъ дѣтей со своими людьми: они дѣйствительно убили нѣсколько русскихъ людей, сопровождавшихъ Бабарыкина, отняли царскую казну въ 400 р., а самъ воевода спасся и благополучно добрался до Томска ²⁾.

Въ заключеніе отмѣтимъ, что христіанство имѣло очень слабый успѣхъ среди инородцевъ Сургутскаго уѣзда: во весь обозрѣваемый нами періодъ мы встрѣтили только одного остяка подгородной Юганской во-

¹⁾ А. М. И. Д. Порф. Миллера 478, 11 № 67.

²⁾ Сиб. Пр. кн. 1 л. 247.

лости, принявшаго крещеніе и жившаго въ Сургутѣ. Обыкновенно по-вокрещенцы записывались въ царскую службу, но въ спискахъ сургутскихъ служилыхъ людей мы не встрѣчаемъ никого изъ сургутскихъ инородцевъ.

Нарымъ и Нарымскій уѣздъ (1598—1645 гг.).

Несомнѣнно, что первый Нарымскій острогъ построенъ въ 1598 г., въ годъ покоренія князя Пѣгой Орды Вони. Но о мѣстѣ этого острога мы не имѣемъ точныхъ данныхъ. Мы знаемъ, что Нарымскій острогъ переносился нѣсколько разъ съ одного мѣста на другое, прежде чѣмъ онъ занялъ нынѣшнее положеніе при впаденіи р. Кети въ Обь. Но гдѣ его первоначальное мѣстоположеніе? Миллеръ утверждаетъ, что прежнее мѣсто отстоитъ отъ нынѣшняго внизу при Оби въ 16 верстахъ, и называется старое Городище ¹⁾, т. е. тамъ, гдѣ нынѣ находится деревня Городищенская ²⁾. Но это не вѣрно. Въ древнѣйшихъ документахъ, относящихся до Нарыма, мы находимъ инныя указанія на первоначальное мѣстоположеніе этого города. Нужно замѣтить, что царскій наказъ предписывалъ сургутскимъ воеводамъ построить острогъ въ землѣ Пѣгой Орды только на одну осень, „пока они приведутъ волости подъ царскую руку, возьмутъ ясакъ и закладчиковъ изъ лучшихъ людей, а острогу въ Пѣгой Ордѣ и нашимъ людямъ впредь не быть, потому что мѣсто дальнее, вода верховая—запасы проводить туда тяжело, а милымъ людямъ въ острогѣ, въ Пѣгой Ордѣ быть нельзя, потому что у князя Вони съ братіей и дѣтми собирается до 400 человекъ“ ³⁾. Затѣмъ въ наказѣ предписывалось, что какъ только сургутскіе воеводы исполнить свою задачу относительно нарымскаго князя Вони, то должны немедленно острогъ разорить. Но острогъ не былъ разоренъ и для этого, вѣроятно, нашлись уважительныя причины. Для сбора ясака съ нарымскихъ остяковъ и для того, чтобы ясачныхъ людей держать въ повиновеніи, сургутскіе воеводы стали посылать въ нарымскій острогъ „годовальщиковъ“ по 20 человекъ изъ сургутскихъ служилыхъ людей. А такъ какъ этотъ острогъ первоначально строился на время, то при основаніи его церкви не было поставлено, какъ это обыкновенно дѣла-

¹⁾ Опис. Сиб. Ц. стр. 259.

²⁾ Эта деревня отстоитъ отъ нынѣшняго Нарыма въ 5 верстахъ и названіе ея произошло отъ городища какого-нибудь инородческаго князя, можетъ быть кн. Вони.

³⁾ Сиб. Пр. кн. № 1.

лось при постройкѣ всѣхъ сибирскихъ городовъ. И только въ 1610 г. царь велѣлъ въ Нарымскомъ острогѣ поставить „Божіе милосердіе—храмъ во имя Покрова Пр. Бог. и придѣлъ Василя Кессар.“¹⁾ По поводу постройки храма и поднять былъ вопросъ о перенесеніи Нарымскаго острога. На царское повелѣніе изъ Сибири отвѣтили, что „въ острогѣ порожняго мѣста нѣтъ и съ сажень, и впредь тутъ острогу быть не прочно, мѣсто не похожее, отмываетъ острогъ водою сажени на четыре и по пяти, а отъ берега подвинуться некуда, пришелъ мохъ и болото, а можно поставить острогъ на лѣвой сторонѣ Оби и тогурскаго или верхняго устья рѣки Кети“. Но по дозору нѣкоторыхъ людей оказалось, что и указанное мѣсто имѣеть тѣже недостатки. И вотъ начались поиски „крѣпкаго и погожаго мѣста“, которые продолжались до тѣхъ поръ, пока Нарымскій острогъ не сгорѣлъ до тла въ 1619 году²⁾. По поводу этихъ поисковъ до насъ дошла переписка сибирскихъ начальныхъ людей и въ ней мы можемъ найти нѣкоторыя указанія на первоначальное мѣсто Нарымскаго острога. Такъ кетскій голова Еліазаровъ, въ своей отпискѣ сургутскому воеводѣ, высказывая свои соображенія относительно непригодности мѣста при кетскомъ—тогурскомъ устьѣ, пишетъ: „отъ нарымскаго, господинъ, острога до тогурскаго устья вверхъ грести облосомъ три дня“.... „нарымскій острогъ стоитъ на Оби межъ нарымскихъ ясачныхъ людей“³⁾. Отсюда ясно, что Старый Нарымъ находился при Оби, ниже тогурскаго устья на три дня пути. А чтобы это указаніе на первоначальное мѣстоположеніе Нарыма было для насъ болѣе опредѣленнымъ, обратимъ вниманіе на слѣдующія данныя. Въ тогдашнее время рѣка Кеть сливалась съ Обью тремя устьями — нижнимъ, среднимъ и верхнимъ или тогурскимъ. Далѣе, въ атласѣ Ремезова на л. 10 читаемъ: „отъ нижняго до средняго устья Кети ходу вверхъ Обью 4 дня, а отъ средняго до верхняго тогурскаго устья Кети жъ ходу вверхъ Обью 2 дня“. Стало-быть, чтобы проплыть противъ теченія Обь отъ нижняго до верхняго или тогурскаго устья въ XVII в. нужно было шесть дней. Теперь, если сопоставить этотъ выводъ съ указаніемъ Еліазарова, что отъ ста-

¹⁾ Сиб. Пр. кн. 2 № 70.

²⁾ Миллеръ на основаніи одной отписки тобольск. в. Буйнось-Ростовскаго къ Нарымскому головѣ Мирону Тимоф. заключаетъ, что Нарымскій острогъ перенесенъ былъ или въ 1613 г. или въ слѣдующемъ. Но это заключеніе не вѣрно: другіе документы показываютъ, что Нарымскій острогъ въ эти годы еще находился на старомъ мѣстѣ и въ первый разъ перенесенъ только послѣ пожара въ 1619 г.

³⁾ Опис. Сиб. Ц. Миллера стр. 255.

раго Нарыма вверхъ Обью до тогурскаго устья можно доплыть только въ три дня, то для насъ станетъ очевиднымъ, что первоначальное мѣстоположеніе Нарыма находилось на половинѣ указаннаго пути, т. е. между нижнимъ и среднимъ устьями Кети. Это мѣсто представляло островъ, на которомъ жили нарымскіе остяки трехъ волостей—Подгородней, Парабельской и Ларидской—что согласно и со вторымъ указаніемъ Елиазарова: „Нарымскій острогъ стоитъ на Оби межъ лсачныхъ нарымскихъ людей“. Затѣмъ, какъ мы упоминали, Нарымъ сгорѣлъ въ 1619 году и послѣ пожара воеводой Хомяковымъ - Языковымъ перенесенъ на новое мѣсто. Но и это мѣсто скоро оказалось непригоднымъ и снова былъ поднятъ вопросъ о перенесеніи Нарымскаго острога и при томъ самыми нарымскими жильцами. Въ ноябрѣ 1630 г. послѣдніе послали въ Москву такую челобитную: „Въ прошломъ 1619 году Нарымскій острогъ сгорѣлъ и дворы ихъ и животы всѣ погорѣли; воевода Иванъ Хомяковъ-Языковъ поставилъ острогъ не на угожемъ мѣстѣ въ водомойминѣ.... отъ Оби сажень съ 70 и тотъ берегъ нынѣ смыло до самого острога. И уже острожное мѣсто весеннею водою снимаетъ и вода быстрою въ острогъ и подлѣ изрыла великія рытвины и острогъ ломало и башни сносило. Служилые и всякіе люди ежегодно поправляютъ острогъ и ставятъ башни, а людей немного да и тѣ бываютъ по службамъ и по посылкамъ, а дома ихъ разоряются до основанія: хоромы водою ломаютъ и сносятъ, животина тонетъ и съ голоду умираетъ, приходится держать ее на повѣтяхъ и на избахъ до Петрова дня и далѣе, а которую отвозить на сухое мѣсто—ту звѣрь съѣдаетъ....“. Затѣмъ тѣже челобитчики жаловались, что весною этого года пришла вода великая, больше прежнихъ водъ, острогъ разломала и разносила, животину безъ остатка потопила и имъ служилымъ и всякимъ людямъ приходилось исполнять службы на лодкахъ. А въ довершеніе несчастія въ Нарымѣ появилась болѣзнь оспа, отъ которой жены и дѣти мрутъ, а хоронить въ острогѣ нельзя, отвозить мертвыхъ въ пустыя мѣста, гдѣ звѣри выкапываютъ ихъ изъ могилъ и поѣдаютъ. Положеніе нарымскихъ жителей, дѣйствительно, было ужасное! Только съ русскимъ терпѣніемъ и выносливостью можно было жить среди такого непривѣтливаго края.

Въ заключеніе жалобы челобитчики просили государя смиловаться надъ ихъ участью, не дать имъ совсѣмъ погибнуть—велѣть перенести острогъ на другое мѣсто. Вслѣдствіе этой челобитной въ томъ же году послѣдовалъ указъ отыскать „крѣпкое и угожее мѣсто“ и перенести туда Нарымъ ¹⁾. Но гдѣ въ это время находился тотъ Нарымскій

¹⁾ Сиб. Пр. Столб. № 30 лл. 406—411.

острогъ, который построенъ воеводой Хомяковымъ-Языковымъ? На это мы имѣемъ единственное указаніе въ „Росписи съ чертежа, гдѣ быть Нарымскому острогу“—чертежа, составленнаго послѣ 1630 г.

Описывая то мѣсто, гдѣ долженъ быть построенъ новый острогъ, авторъ замѣчаетъ:

„Нижнее кетское устье впадо въ рѣку Обь выше Нарымскаго острога версты на двѣ, гдѣ стоитъ нынѣ Нарымскій, а отъ того новаго острога будетъ то кетское нижнее устье версты съ 30....“, „нынѣшній Нарымскій острогъ стоитъ ниже кетскаго устья версты на двѣ на протокѣ отъ рѣки 660 сажень, а тою протокою ходятъ изъ Оби большія суда подъ острогъ въ сухую воду до господина дня, а если мѣсто не сухое, то и до заморозковъ“¹⁾. Значитъ Хомяково-Языковъ въ 1619 г. перенесъ Нарымскій острогъ съ прежняго первоначальнаго мѣста довольно далеко, внизъ по Оби, за нижнее кетское устье и поставилъ его на протокѣ, который соединялъ Обь съ однимъ озеромъ, восточный конецъ котораго въ 17 в. едва не соединился съ рѣкою Кеть. Мѣсто это оказалось неудобнымъ и по челобитью нарымскихъ жильцовъ въ 1630 г. велѣно найти новое и перенести туда острогъ. По вышеупомянутой росписи съ чертежа предполагалось строить опять на островѣ, образуемомъ Обью и нижнимъ и среднимъ устьями Кети и на 30 верстъ выше по Оби отъ Нарыма, построеннаго Хомяковымъ. Но кажется это предположеніе не было исполнено; авторъ чертежа замѣчаетъ, что если Нарымъ перенести на то мѣсто, которое онъ указываетъ, то нужно будетъ построить два караула — одинъ на нижнемъ устьѣ Кети, а другой на р. Оби, потому что изъ новаго острога нельзя будетъ слѣдить за торговыми и промышленными людьми, будутъ ли они плыть по рѣкѣ Кети чрезъ ея нижнее русло или вверхъ и внизъ по Оби, такъ какъ изъ предполагаемаго острога на Обь и Кеть не видно. Строить два караула и держать въ нихъ людей — это должно было вызвать такіе матеріальные расходы, на которые правительство не могло согласиться. Вотъ почему мы думаемъ, что новое мѣсто для Нарыма, описанное въ упомянутомъ чертежѣ не было одобрено, и Нарымскій острогъ хотя и перенесенъ въ 1632 году въ третій разъ, но только съ протока за озеро къ нижнему устью Кети, т. е. на то мѣсто, на которомъ Нарымъ находится и нынѣ.

Мы выше упоминали, что въ Нарымѣ первоначально не было постоянного населенія, а жило только 20 человекъ „годовальщиковъ“ изъ служилыхъ людей, присылаемыхъ изъ Сургута. Эти люди ежегодно мѣнялись. Но съ построеніемъ церкви (между 1612—1618 г.) Нарымъ слѣ-

¹⁾ Сиб. Пр. ст. 136 л. 86.

лался городомъ и въ немъ явилось осѣдлое населеніе: ружники, оброчники и служилые люди, съ этого же времени стали посылать туда и воеводъ. Въ 1625 г. все населеніе Нарыма состояло изъ 42 человѣкъ, кромѣ женъ и дѣтей. Они получали въ годъ денежнаго жалованья 242 р. 26 к., хлѣбнаго жалованья 262 ч. муки, 77 ч. крупъ и толкна и 63 п. соли ¹⁾. Между населеніемъ нарымскимъ въ это время встрѣчаются три новокрещенныхъ остяка и язычникъ князь Тайбохта, сынъ Вони.

Въ послѣдующіе годы число жителей въ Нарымѣ остается то же самое, но съ перенесеніемъ города въ 1632 г. на новое мѣсто населеніе его увеличивается служилыми людьми; въ 1633 году въ Нарымѣ было жителей 46 человѣкъ, а въ 1643 г. 55 человѣкъ, кромѣ женъ и дѣтей ²⁾. Въ январѣ 1646 г. Алексѣю Михайловичу цѣловали крестъ слѣдующія лица: голова, племянникъ головы, сынъ боярскаго сына, подъячій, новокрещенцевъ 4 человѣка, нѣмецъ, служилыхъ людей 33 человѣка, два пушкаря, присланные изъ Сургута на годовую службу 8 человѣкъ казаковъ и стрѣльцовъ, церковный дьячекъ, пономарь, банщикъ, два сторожа, два воротника, два отставныхъ казака, 19 дѣтей служилыхъ людей, торговый человѣкъ, ссыльный сынъ боярскій, отставной казакъ изъ новокрещенцевъ, два оброчника (толмачъ и палачъ), приказчикъ государевыхъ пашенныхъ крестьянъ, гулящіе люди 5 человѣкъ—всего 92 человѣка, а изъ уѣздныхъ людей 15 человѣкъ крестьянъ, дѣтей ихъ 5 и новокрещенцевъ 11 человѣкъ ³⁾.

Когда началось земледѣліе въ Нарымскомъ уѣздѣ и появились въ немъ крестьяне, мы не можемъ точно опредѣлить, но, кажется, не ранѣе 1620 года. Сѣяли хлѣбъ служилые люди, ружники, оброчники и государевы крестьяне, а пашни ихъ, какъ и государевы, находились при рѣкѣ Парабели. Вслѣдствіе отдаленности этихъ пашенъ отъ Нарыма, земледѣльцы терпѣли большія неудобства. Около 1640 года они били челомъ государю, что такъ какъ пашни отъ острога далеко и вода вешняя стоитъ долго, то имъ ѣздить къ церкви Божіей въ Нарымъ совсѣмъ неудобно: во время половодья нѣкоторые тонуть, да и къ тому же бываетъ остановка въ пахотѣ и уборкѣ хлѣба, поэтому иные умираютъ безъ даровъ и похоронить нѣкому, роженицы бываютъ долгое время безъ молитвы, младенцы безъ крещенія и „намъ живеть оскверненіе много“.

¹⁾ Сиб. Пр. кн. № 47 л. 162; кн. № 14 л. 52.

²⁾ Сиб. Пр. кн. № 153.

³⁾ Сиб. Пр. кн. № 204 л. 53.

Въ заключеніе этой челобитной они просили государя, „чтобы онъ пожаловаль, велѣлъ поставить на своей пашнѣ церковь и прислать попа и церковное строеніе“¹⁾. Просьба, вѣроятно, была исполнена; дворы упомянутыхъ земледѣльцевъ положили начало нынѣ существующему селу Парабельскому, находящемуся отъ Нарыма въ 25 верстахъ. Что же касается урожаявъ разныхъ хлѣбовъ на упомянутыхъ пашняхъ, то объ этомъ мы можемъ судить по слѣдующимъ даннымъ: въ 1637 году съ государевой пашни собрано 3750 сноповъ ржи, 3500—овса, 1150—ячменя, а вымолочено ржи 117 чет., овса—142 ч. и ячменя—28 ч.; судя же по количеству посѣянныхъ хлѣбовъ, мы видимъ, что рожь уродила самъ 7, овесъ самъ 5 и ячмень почти самъ 6.

Мѣстнаго государева хлѣба было слишкомъ недостаточно для покрытія въ Нарымѣ окладныхъ и неокладныхъ хлѣбныхъ расходовъ, напр. въ 1637 г. нужно было дослать туда 356 ч. ржи, 202 ч. овса и 15 ч. ячменя²⁾. Денежные доходы въ Нарымѣ тоже не покрывали мѣстныхъ денежныхъ расходовъ: въ 1625 году собрано денегъ всего 154 руб., а расходъ превышалъ почти на 100 р.³⁾

Инородческое населеніе Нарымскаго уѣзда состояло изъ остяковъ. Древнѣйшая ясачная книга, дошедшая до насъ, относится къ 1629 г. По этой книгѣ въ Нарымскомъ уѣздѣ были слѣдующія инородческія волости:

1) Нарымская нижняя при Оби, а въ ней лучшій человѣкъ князецъ Ванга Кичеевъ и ясачныхъ людей 40 человѣкъ.

2) Нарымская верхняя при Оби, а въ ней лучшій человѣкъ князецъ Тайбохта Вонинъ и ясачныхъ людей 50 человѣкъ.

3) Парабельская 1-я при Оби между среднимъ и нижнимъ кетскими устьями, а въ ней лучшій человѣкъ князецъ Канна Кишинъ и ясачныхъ людей 32 человѣка.

4) Парабельская 2-я при р. Парабели, а въ ней лучшій человѣкъ князецъ Сурайна Сыцынъ и ясачныхъ людей 20 человѣкъ.

5) Парабельская 3-я при р. Парабели, а въ ней лучшій человѣкъ Меръ и ясачныхъ людей 38 человѣкъ.

6) Парабельская 4-я, а въ ней лучшій человѣкъ князецъ Ермачко Иласовъ и ясачныхъ людей 18 человѣкъ.

7) Ларнидская между среднимъ и нижнимъ кетскими устьями, а въ ней лучшій человѣкъ князецъ Каско и ясачныхъ людей 26 человѣкъ.

¹⁾ Сиб. Пр. ст. № 6135 л. 40.

²⁾ Сиб. Пр. кн. № 70 лл. 544 и 570.

³⁾ Сиб. Пр. кн. № 8 л. 49.

8) Пиковская между среднимъ и тогурскимъ кетскими устьями, а въ ней лучшей человѣкъ князецъ Сонгу и ясачныхъ людей 16 чел.

9) Тогурская за тогурскимъ устьемъ, а въ ней лучшей человѣкъ князецъ Немгода и ясачныхъ людей 30 человѣкъ.

10) Чурабарская 1-я при Оби за тогурской волостью, а въ ней лучшей человѣкъ князецъ Ягода и ясачныхъ людей 20 человѣкъ.

11) Чурабарская 2-я (ibid.), а въ ней лучшей человѣкъ Мартырманъ и ясачныхъ людей 10 человѣкъ.

12) Чайнская при р. Чаѣ, а въ ней лучшей человѣкъ князецъ Тандаушъ и ясачныхъ людей 32 человѣка.

Всѣхъ ясачныхъ людей съ князьями въ Нарымскомъ уѣздѣ въ 1629 г. было 344 человѣка, а ясаку и поминковъ приходилось съ нихъ взять по сибир. цѣнѣ на 1608 руб. 27 коп. ¹⁾ А судя по количеству собраннаго ясака, и въ 1625 г. ясачныхъ людей было столько же ²⁾.

Въ 1632 г. ясачныхъ людей во всѣхъ волостяхъ осталось 324 человѣка ³⁾. Затѣмъ въ 1634 году ясачные люди трехъ волостей—двухъ Чурабарскихъ и Чайнской били челомъ государю о томъ, чтобы имъ платить ясакъ не въ Нарымскій острогъ, который стоитъ отъ нихъ далеко, а въ Томскій городъ. Государь пожаловалъ и въ Нарымскомъ уѣздѣ такимъ образомъ остались только 9 инородческихъ волостей. Но нарымскіе воеводы не хотѣли уступить этихъ волостей и добились было того, что въ 1639 г. царь указалъ упомянутымъ волостямъ снова платить ясакъ въ Нарымъ. Тогда инородцы послали вторую челобитную Государю, въ которой писали: „Нарымскій острогъ отдалѣлъ, а Томскій городъ прилежъ близко, да въ Нарымѣ сиротамъ твоимъ, кромѣ ясака великая натуга—ежегодно чинимъ острогъ и дѣлаемъ всякія острожныя подѣлки; возимъ дрова для съѣзжей избы, торговой бани и для поварни, гдѣ вино курятъ, варятъ пиво и брагу, да съ насъ же ежегодно берутъ рыбу, хмель, сумы, ремни и бересту“. Въ заключение челобитной инородцы писали, что если ихъ государь не пожалуетъ и оставитъ за Нарымомъ, то имъ придется окончательно разориться и брести врозь ⁴⁾.

Государь пожаловалъ и волости Чурабарскія и Чайнская навсегда приписаны къ Томску.

---

¹⁾ Сиб. Пр. кн. № 19 л. 735.

²⁾ Сиб. Пр. кн. № 17 л. 99.

³⁾ Сиб. Пр. кн. № 34 л. 724.

⁴⁾ Сиб. Пр. ст. № 90 лл. 243—248.

По ясачной книгѣ 1641 года за Нарымомъ значилось 9 инородческихъ волостей, въ которыхъ ясачныхъ людей было только 135 человекъ ¹⁾. Ясачную книгу 1645 г. мы не нашли и потому точно опредѣлить за этотъ годъ число ясачныхъ людей въ Нарымскомъ уѣздѣ не можемъ.

Шертовали Алексѣю Михайловичу въ январѣ 1646 года только 67 нарымскихъ остяковъ, но число ясачныхъ людей было несравненно больше: если судить по количеству собраннаго ясака за 1646 и 47 гг., то ихъ было около 200 человекъ ²⁾. Тѣмъ не менѣе убыль ясачныхъ людей въ Нарымскомъ уѣздѣ довольно значительная и является вопросъ о причинахъ этой убыли. Отписка трехъ волостей къ Томскому уѣзду еще не рѣшаетъ вопросъ: въ нихъ было не болѣе 60 человекъ. Но мы знаемъ другія причины убыли ясачныхъ людей въ Нарымскомъ уѣздѣ. Во-первыхъ христіанская религія имѣла значительный успѣхъ среди остяковъ этого уѣзда, а новокрещенные освобождались отъ ясака и записывались въ служилые люди: къ 1640 г. подъ Нарымомъ образовалась цѣлая деревня новокрещенцевъ и нѣсколько крещеныхъ остяковъ жили въ самомъ городѣ, по документамъ, которые мы имѣли въ рукахъ, таковыхъ было 20 человекъ (семействъ), но на самомъ дѣлѣ ихъ было значительно болѣе. Во-вторыхъ нарымскіе остяки въ это же время много пострадали отъ оспы, которая при первомъ появленіи въ Сибири въ высшей степени губительно дѣйствовала на инородцевъ. Наконецъ многіе разбѣжались вслѣдствіе недостатка пушныхъ звѣрей въ Нарымскомъ уѣздѣ. Мы видимъ постоянныя жалобы на нарымскихъ остяковъ со стороны сургутскихъ, кетскихъ и томскихъ инородцевъ въ томъ, что они охотятся въ ихъ лѣсахъ и выбиваютъ звѣря, а нарымцы въ свою очередь жалуются, что въ ихъ уѣздѣ нѣтъ никакого звѣря и, если имъ не „звѣровать“ въ другихъ мѣстахъ, то совсѣмъ нечѣмъ будетъ уплачивать ясакъ. Такъ въ 1644 г. нарымскіе остяки, жалуются на воеводѣ, что они вмѣсто умершихъ прибираютъ для платежа ясака недорослей и захребетниковъ, пишутъ: „намъ, государь, стало не вмочь—звѣрь въ Нарымскомъ уѣздѣ вывелся и мы для твоего государева ясака ходимъ вдаль въ Енисейскій, Тазовскій, Сургутскій и Тарскій уѣзды и въ то время, когда бываемъ на промыслахъ, тѣ захребетные люди помогаютъ намъ въ подводахъ и гонцахъ, кормятъ нашихъ женъ и дѣтей... Да насъ сиротъ твоихъ, на тѣхъ промыслахъ въ Енисейскомъ, Томскомъ, Кетскомъ, Тарскомъ, Тазовскомъ (Манга-

¹⁾ Сиб. Пр. кн. № 144 л. 203.

²⁾ Сиб. Пр. кн. № 204 л. 65; кн. № 221 л. 159; кн. № 17 л. 99.

зейскомъ) и Сургутскомъ уѣздахъ наша братія остяки и татары бьютъ и грабятъ и запасы отнимаютъ....“ Въ заключеніе челобитной нарымцы просили государя а) запретить воеводамъ облагать ясакомъ ихъ помощниковъ—захребетныхъ людей и недорослей, а б) издать указъ, чтобы имъ было вольно ходить на промыслы въ другіе уѣзды и чтобы тамъ не дѣлали имъ никакихъ обидъ ¹⁾. Изъ разныхъ документовъ мы узнаемъ, что, дѣйствительно въ Нарымскомъ уѣздѣ было мало пушныхъ звѣрей и это обстоятельство заставляло нарымскихъ остяковъ оставлять родныя мѣста и переселяться въ другіе уѣзды. Самая высокая рыночная цѣна на людей въ Нарымѣ указываетъ на малонаселенность этого края. Напримѣръ: остякъ Анса отдалъ сына своего Кареллю въ холопы десятнику Антону Яковлеву за „кобылу большую, за жеребца 2-хъ лѣтъ, быка 4-хъ лѣтъ, кусокъ сукна и 4 хлѣба“. Другой остякъ забавлялъ себя попу Якову и за кабалу взялъ зинунъ сермяжный въ 2¹/₂ р., быка цѣною одинъ рубль, 10 аршинъ покроми, 8 ложекъ и 4 гребня роговыхъ ²⁾.

Кетекъ и Кетскій уѣздъ (1602—1654 г.).

Годъ основанія Кетскаго острога мы не можемъ точно опредѣлить. Знаемъ только, что онъ построенъ послѣ Нарыма и, по всей вѣроятности, въ 1602 г. и никакъ не позже. Нарымскіе служилые люди, подвигаясь по Кети далѣе и далѣе вверхъ этой рѣки, скоро добрались до ея верховьевъ и всѣхъ инородцевъ, жившихъ на этомъ пути, обложили ясакомъ. Но въ 1602 г. при сургутскомъ воеводѣ Яковѣ Борятинскомъ произошелъ общій бунтъ нарымскихъ остяковъ, измѣнили также нижнія и верхнія кетскія волости. Бунтъ былъ усмиренъ въ томъ же году и тогда же, вѣроятно, построенъ Кетскій острогъ, такъ какъ изъ Нарыма невозможно было держать въ повиновеніи верхнія кетскія волости, изъ коихъ нѣкоторые находились отъ Нарымскаго острога въ разстояніи на двѣ и на три недѣли пути, плывя вверхъ по Кети. Относительно мѣста перваго Кетскаго острога мы можемъ только сказать, что оно находилось при р. Кети, значительно выше нынѣшняго села Кетскаго и именно въ Енесейскомъ уѣздѣ (17 в.), въ Урнуковой или Пумпокольской волости, приблизительно верстъ на 200 отъ упомина-

¹⁾ Сиб. Пр. ст. № 136 л. 342—344; ст. 112 л. 427 и д. ст. 136 л. 605; ст. № 12 л. 406.

²⁾ Сиб. Пр. ст. 91 лл. 49—54.

нутаго села. На это мы имѣемъ положительное указаніе въ одной отпискѣ кетскаго воеводы отъ 1634 года: въ ней читаемъ, что одинъ служилый человѣкъ, передавая кетскому воеводѣ объ измѣнѣ тунгусовъ и тулкинцевъ, сказалъ ему, что эти вѣсти онъ услышалъ, *когда находился, плывя въ Енисейскъ, въ Урнуковой волости, противъ стараго кетскаго городища* ¹⁾).

Въ то время Кетскій уѣздъ былъ довольно обширный и изъ Кетскаго острога собирали ясакъ не только съ остяковъ, жившихъ по всей рѣкѣ Кети, но и съ Тулкиной земли. И количество ясака было громадное: въ 1605 году царю Димитрію Ивановичу кетскій воевода прислалъ болѣе 70 сороковъ соболей, болѣе сотни бобровъ, нѣсколько десятковъ лисицъ, ярцевъ, кошлаковъ и собольихъ шубъ ²⁾).

Но недолго Кетскъ находился на своемъ первоначальномъ мѣстѣ и хотя годъ перенесенія его на новое мѣсто мы точно не можемъ указать, однако не ошибемся, если скажемъ, что Кетскій острогъ перенесенъ изъ Урнуковой волости между 1606 и 1610 годами: ибо изъ документовъ видно, что въ 1605 г. онъ находился еще на старомъ мѣстѣ, а въ 1610 г. уже на новомъ. Поводомъ къ перенесенію Кетска ближе къ устью рѣки Кети была трудная доставка туда хлѣбныхъ запасовъ, такъ какъ въ верхнихъ мѣстахъ Кети за мелководьемъ не могли плавать большія суда.

Новое мѣсто для Кетска было избрано при той же рѣкѣ, именно отъ ея нижняго устья на семь дней пути, если плыть вверхъ, т. е. то мѣсто, гдѣ нынѣ находится Кетское село. Новый острогъ представлялъ небольшую крѣпость по длинѣ 15 саж. и поперегъ 7½ саж. Скоро, однако, оказалось, что это мѣсто выбрано неудачно: берегъ рѣки Кети, на которомъ стоялъ острогъ, постепенно смываясь водою, все болѣе и болѣе уменьшался и къ 1612 г. рѣка Кеть уже угрожала острожной стѣнѣ. Тогдашній кетскій голова Гр. Еліазаровъ въ 1612 г. писалъ боярамъ. „Въ прошломъ году въ кетскомъ острогѣ вешнею водою отмыло берегъ по самый острогъ... и оставалось берегу сажени полторы. Но въ нын. 1612 г. и тѣ полторы сажени отмыло по самыя ворота и казачью избу. Я велѣлъ перенести ворота на другую сторону, а впередъ на новый годъ кетскому острогу въ томъ мѣстѣ стоять невозможно...“ ³⁾. И сургутскіе служилые люди говорили въ Москвѣ, что Кетскъ, какъ и Нарымъ, стоять „не у мѣста“, что эти остроги слѣдуетъ разорить и построить

¹⁾ А. М. Ю. Сиб. Пр. ст. № II л. 172.

²⁾ А. М. И. Д. Поргф. Миллера 478, 11, № 33.

³⁾ Оп. Сиб. Цар. Миллера стр. 260 смт. отписку Еліазарова къ боярамъ.

на новыхъ мѣстахъ. Миллеръ утверждаетъ, что Кетскій острогъ дѣйствительно былъ перевесенъ около 1613 г. на новое мѣсто, отстоящее отъ прежняго на 215 верстъ ¹⁾. И въ этомъ случаѣ онъ неправъ, какъ и относительно перенесенія Нарыма; очевидно Миллеръ перепуталъ данныя и то, что касалось перенесенія Кетска, о которомъ мы выше упоминали, отнесъ къ 1613 году. На самомъ же дѣлѣ Кетскъ оставался на прежнемъ мѣстѣ, хотя, можетъ быть, и былъ нѣсколько подвинутъ отъ берега. Изъ описки Елизарова въ 1611 г. видно, что Кетскій острогъ въ это время находился отъ кетскаго устья на 7 или на 8 дней пути, если плыть вверхъ по р. Кети. На томъ же мѣстѣ мы видимъ его въ теченіе всего 17 в., т. е. тамъ же, гдѣ находится нынѣшнее Кетское село. Въ 1627 г. при воеводѣ Иванѣ Кологривовѣ Кетскъ весь сгорѣлъ. Его преемникъ Данилъ Полтевъ объ этомъ по постройкѣ новаго острога писалъ въ Tobольскъ слѣдующее: „велѣно мнѣ быть на службѣ въ Сибирѣ въ кетскомъ острогѣ на мѣсто Ивана Кологривова... и я пріѣхалъ въ кетскій острогъ на пустое мѣсто, острогъ сгорѣлъ весь безъ остатка, не осталось ни одной хоромины, а сгорѣлъ острогъ за три недѣли до моего пріѣзда 1627 года 29 Юля и въ тѣ три недѣли Иванъ Кологривовъ лѣсу на острогъ не приготовилъ ничего. И я, пріѣхалъ въ кетскій острогъ 21 Августа, началъ съ того же дня готовить лѣсъ сургутскими годовальщиками и проѣзжими торговыми и промышленными людьми. Приготовивъ лѣсъ, я поставилъ острогъ на томъ же мѣстѣ на берегу (лѣвый берегъ) рѣки Кети, на плоскомѣстьѣ, съ рѣчной стороны яръ, а острогъ дѣлался вверхъ три сажени безъ локтя, бревна ставлены иглою (перпендикулярно), въ длину 15 саж., поперегъ 9 саж., въ нижней стѣнѣ по угламъ поставлены двѣ избы и на одной изъ нихъ дѣлалъ карауль; да въ острогѣ поставилъ амбары для всякой государственной казны—пороху, свинцу, хлѣба и денегъ, а старый острогъ былъ въ длину 15 же саж., а поперегъ 7 ¹/₂ саж....“ ²⁾.

Относительно населенія Кетска въ обозрѣваемый нами періодъ слѣдуетъ замѣтить слѣдующее. Кромѣ сургутскихъ 20 годовальщиковъ, ежегодно мѣнявшихся, и неизбѣжныхъ въ каждомъ сибирскомъ городѣ—сторожа, палача, воротника и толмача, съ постройкою церкви во имя св. Троицы въ немъ появились поць, дьячекъ, пономарь и просвирница. Другихъ жителей въ немъ не было. „А жилыхъ торговыхъ людей, читаемъ въ именныхъ спискахъ, за всѣ годы въ кетскомъ острогѣ нѣтъ ни одного человѣка“.

¹⁾ Опис. Сиб. Цар. стр. 260.

²⁾ А. М. И. Д. Портф. Миллер. 478. 1 № 15.

Въ 1641 г. въ Кетскѣ построена была новая церковь тоже во имя Троицы и съ предѣломъ пр. о. Михаила. Тогдашніе насельники Кетскаго острога 2 десятника съ 20 чел. служащихъ казаковъ и стрѣльцовъ; да ружники попь Михаилице Матѳеевъ съ товарищами 8 ч., воздвигнувъ упомянутую церковь, били челомъ государю о пожертвованіи въ церковь „мѣстнаго образа царскаго ангела, образовъ праздниковъ господскихъ, деисусовъ ризъ, и всякаго церковнаго строенія“, подобно тому какъ и въ церковь стараго острога были пожертвованы царемъ Михаиломъ упомянутые священные предметы ¹⁾.

Денежные кетскіе доходы были ничтожны; они состояли изъ разныхъ пошлинъ и никогда не превышали 30 р.; въ 1628 г. такихъ денегъ собрано только 24 р. 49 к., а денежные расходы въ Кетскѣ за этотъ годъ равнялись 25 р. ²⁾.

Но мягкой рухляди съ инородцевъ Кетскаго уѣзда всегда собиралось достаточно. Правда съ перенесеніемъ Кетска на новое мѣсто (между 1606 и 1610 гг.) ясачный сборъ значительно уменьшился: въ Тулкину землицу теперь уже невозможно было посылать ясатчиковъ за ея отдаленностію, а съ основаніемъ Енесейскаго острога, къ этому послѣднему отписали двѣ верхнія кетскія волости—Пумнокольская съ княземъ Урнукомъ и Каджская съ княземъ Номакомъ ³⁾. Такъ что за Кетскомъ осталось только шесть инородческихъ волостей; всѣ онѣ находились по р. Кети и населены были остяками. Въ 1625 г. ясачныхъ людей въ этихъ волостяхъ было всего 130 человѣкъ, платившихъ въ государеву казну по 11 соболей съ человѣка; всего ясака и государевыхъ и воеводскихъ поминковъ собрано въ этомъ году нѣсколько болѣе 36 сороковъ соболей, по московской оцѣнкѣ на 1200 р. ⁴⁾. Послѣ 1626 г. мы не встрѣчаемъ въ Кетскомъ уѣздѣ волости Мурзиной: жители ея, вѣроятно, или вымерли, или разбѣжались. По ясачной книгѣ 1629 г. въ этомъ уѣздѣ были слѣдующія инородческія волости:

- 1) Киргѣева, ниже Кетска по р. Кети, а въ ней ясач. людей 45.
- 2) Питкина, выше Кетска, ясач. л. 15.
- 3) Иштанова, ясач. л. 23.
- 4) Кашкина, ясач. л. 27.
- 5) Лелькина, Порубежная съ Енесейскомъ у., ясач. л. 25.

¹⁾ А. М. Ю. Сиб. Пр. ст. № 112 л. 477.

²⁾ Ibid. Сиб. Пр. кн. № 19 л. 498 и л. 507.

³⁾ Ежем. сочин. 1764 г. Мар. 7 стр. 214 Прод. Сибир. Ист. Миллера.

⁴⁾ А. М. Ю. Сиб. Пр. кн. № 4 л. 409; ст. № 11 л. 170; кн. № 17 л. 109.

Всего въ этихъ волостяхъ ясачныхъ людей 135 человекъ; ясаку съ нихъ въ 1629 г. взято болѣе 36 сороковъ соболей, по московской оцѣнкѣ на 1012 р. ¹⁾.

Затѣмъ число ясачныхъ инородцевъ въ Кетскомъ уѣздѣ постепенно уменьшалось и къ 1645 г. осталось только 90 человекъ ²⁾. Сами кетчане объясняютъ причину запустѣнія ихъ земли. Въ 1644 г., жалуясь на нарымскихъ остяковъ, такъ писали въ своей челобитной: „тѣ нарымскіе мужики приходятъ на р. Кеть и своимъ насильствомъ отнимаютъ наши рѣки бобрянныя, выбиваютъ выдръ, лисиць и соболей, видя наше безсиліе, что мы теперь гнѣвомъ Божиимъ вымерли и земля Кетскаго острога опустѣла“ ³⁾.

Изъ кетскихъ инородцевъ, принявшихъ христіанство, мы встрѣтили только одного человекъ; онъ жилъ въ Кетскѣ и служилъ въ качествѣ толмача.

---

¹⁾ Сиб. Пр. кн. № 47 л. 486; кн. № 20. Московская оцѣнка была значительно выше сибирской, напр. кетскій ясакъ 1627 г. въ Тобольскѣ оцѣненъ въ 866 р. 60 к., а въ Москвѣ въ 1298 р. 93 к. кн. № 17 л. 109.

²⁾ Сиб. Пр. кн. № 221.

³⁾ Сиб. Пр. ст. № 98 лл. 3—6.